

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ Сорокъ третій).

1898.

М А Й.

Высоч. утв. Т-во типо-литографіи и торговли Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. домъ.

1898.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ И ПОДАТИ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

I.

Землевладѣніе въ Средней Азіи во времена мусульманскаго владычества.

Поземельное устройство въ Средней Азіи представляетъ разнообразнѣйшія формы; здѣсь на ряду съ первобытными формами родового землепользованія господствующаго у кочевниковъ, раскинутыхъ на необозримыхъ пространствахъ между Араломъ, Аму-Дарьей и отрогами Тянь-Шаня и Тарбагатай, существуетъ та форма землевладѣнія которая находится лишь въ странахъ достигшихъ наибольшей производительности земли, т. е. право личной собственности на землю, — оно является преобладающимъ въ культурныхъ оазисахъ Средней Азіи.

Отношенія населенія къ землѣ находятся въ непосредственной зависимости отъ той степени земледѣльческой культуры которой страна въ постепенномъ своемъ развитіи достигла въ данное время.

Можно также сказать что формы землевладѣнія, допускаемыя климатическими и почвенными условіями той или другой мѣстности, представляются результатомъ стремленій населенія наилучшимъ способомъ использовать дары окружающей природы.

Въ первобытныя времена при разбросанности и рѣдкости населенія не могла явиться идея присвоенія земли которой еще слишкомъ много. Только съ наступленіемъ извѣстной густоты населенія, когда различнымъ племенамъ приходится сталкиваться во время преслѣдованія добычи, зарождается мысль что населеніе не всегда можетъ найти достаточное количество необходимыхъ ему земель и что одинъ охотничій промыселъ не въ состояніи обезпечить существованіе непрерывно воз-

растающаго населенія. Вмѣстѣ съ этимъ является сознаніе необходимости охраненія и разведенія полезныхъ животнымъ и возникаетъ скотоводство порождающее болѣе близкое отношеніе человѣка къ землѣ.

Въ пастушескій періодъ жизни народа, когда главное богатство заключалось въ стадахъ скота, удобныя для пастбищъ земли становились цѣнностію, и племя или родъ занявшій для кочеванія лучшія мѣста стремились удержать ихъ за собою охраняя границы своего кочевья отъ захватовъ со стороны другихъ родовъ. Такимъ образомъ возникаетъ родовая собственность на землю при которой всѣ члены рода сообща пользуются землею; отдѣльныя же личности не питаютъ и мысли о присвоеніи особыхъ участковъ, потому что обособленность хозяйства основаннаго на періодическихъ перекочевкахъ совершенно немыслима. Однако, какъ только увеличившаяся плотность населенія заставляетъ искать пропитанія на меньшемъ пространствѣ земли, является необходимость перейти къ болѣе интенсивному ея использованию; вслѣдствіе этого возникаетъ земледѣліе значительно сокращающее площадь необходимую для прокормленія человѣка.

Сначала изъ общаго пространства земли состоящей въ пользованіи рода выдѣляются наиболѣе удобные участки подъ посѣвъ хлѣбныхъ растений. Земля предназначенная подъ пашню нуждается въ уходѣ, требуетъ приложенія все большаго и большаго труда на который первоначально идутъ только бѣднѣйшіе люди, лишь въ силу крайней необходимости; съ теченіемъ времени необходимость эта неизмѣнно возрастаетъ и вынуждаетъ все большую и большую часть населенія искать спасенія въ земледѣліи и относиться къ землѣ совершенно иначе чѣмъ относится къ ней кочевникъ.

При обзорѣ различныхъ мѣстностей земнаго шара нельзя не убѣдиться что на ряду съ указанными факторами существуютъ спеціальныя для каждой страны условія которыя, неизмѣняя общихъ законовъ послѣдовательнаго развитія поземельныхъ отношеній, проявляютъ вліяніе, замедляя или ускоряя въ весьма значительной степени переходъ отъ одной формы землевладѣнія къ другой формѣ.

Такъ, болѣе подробное разсмотрѣніе климатическихъ и почвенныхъ условій Средней Азіи позволитъ уяснить почему въ осѣдлыхъ пунктахъ Туркестана упрочилась весьма интенсивная земледѣльческая культура вызвавшая переходъ къ высшей формѣ поземельнаго устройства, тогда какъ на несрав-

ненно значительнѣйшей части Средней Азіи населеніе осталось при старой формѣ землевладѣнія—при родовомъ землепользованіи присущемъ кочевому скотоводческому хозяйству. Степныя, песчаныя и солончаковыя пространства Средней Азіи гдѣ лѣтомъ не бываетъ дождей и потому выгораетъ всякая растительность допускаютъ возможность земледѣлія исключительно только по берегамъ немногочисленныхъ въ этихъ мѣстахъ рѣкъ и озеръ, остальные же громадные пространства представляютъ неодолимое препятствіе развитію земледѣлія и осѣдой жизни. Многочисленные народы нынѣ населяющіе Европу въ движеніи своемъ изъ глубины азіатскаго материка лишь прошли упомянутыя степи и пустыни, предпочитая направиться далѣе и занять на западѣ земли обеспечивающія несравненно большія выгоды.

Съ заселеніемъ Европы и возникновеніемъ главнѣйшихъ ея государствъ, позднѣе нахлынувшія тюркскія племена не имѣли возможности утвердиться за Ураломъ и послѣ цѣлаго ряда попытокъ и вѣковой борьбы возвратились въ Среднюю Азію гдѣ часть ихъ еще ранѣе слилась съ Аріями прожившими начало заселенію и безбрежныхъ степей, и многочисленныхъ горныхъ долинъ.

Естественныя условія въ азіатскихъ степяхъ благопріятны только для скотоводства и еще надолго сохранять въ означенныхъ мѣстностяхъ кочевое скотоводческое хозяйство; переходъ къ земледѣлію возможенъ только въ мѣстностяхъ съ большимъ уклономъ, гдѣ протекаютъ быстрыя рѣки изъ которыхъ легко отвести струю для орошенія, т. е. возможенъ главнымъ образомъ только въ горныхъ долинахъ или въ степяхъ лежащихъ у береговъ рѣкъ съ плоскими берегами и со скорымъ теченіемъ.

Вотъ почему кочевники всѣхъ пяти степныхъ областей ¹⁾ и Туркестанскаго края занимаютъ почти исключительно скотоводствомъ и сохраняютъ патріархальныя поземельныя отношенія основанныя на освященномъ обычаемъ правѣ общаго пользованія пастбищами расположенными на принадлежащихъ отдѣльнымъ родамъ путяхъ періодическихъ перекочевковъ.

Прекрасный очеркъ хозяйства кочевниковъ и опредѣляемыхъ имъ отношеній къ землѣ даетъ бывший военный губернаторъ Тургайской области генералъ Гейнсъ (нынѣ умершій).

„Извѣстно, говоритъ генералъ ²⁾,—что чѣмъ пустыниѣе и

¹⁾ Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская и Семирѣченская.

²⁾ Лично сообщено генераломъ автору.

непроизводительнѣе страна и чѣмъ больше скота пасется въ одномъ стадѣ, тѣмъ скорѣе истребляется на опредѣленномъ мѣстѣ кормъ и тѣмъ большая площадь земли требуется для его пропитанія.

„Именно отъ этихъ двухъ условій и зависитъ необходимость кочеванія киргизскихъ стадъ по степи. Киргизская степь, вообще говоря, весьма мало производительна, количество же скота у Киргизовъ не пропорціонально-велико, что и заставляетъ ихъ передвигаться со своими стадами на большія разстоянія или кочевать. Причины понуждающія Киргиза перегонять свои стада съ мѣста на мѣсто суть тѣ же самыя по которымъ наши пастухи отыскиваютъ для стадъ свѣжія, непотравленные мѣста. До тѣхъ поръ покуда скотъ не подобралъ кормовъ въ окрестности, Киргизъ никогда не станетъ кочевать; когда же его стада, вытравивши кормъ и побуждаемые голодомъ, станутъ уходить все далѣе и далѣе отъ аула, Киргизъ поднимается со своимъ семействомъ и слѣдуетъ за стадами только направляя ихъ по принадлежащимъ ему кочевымъ путямъ. Потому кочеваніе происходитъ медленно и на небольшія разстоянія въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ существуютъ сравнительно богатые кормы, но оно по необходимости производится почти безостановочно и на далекія разстоянія въ бѣдныхъ частяхъ степи.

„Кочеваніе зависитъ еще отъ особенныхъ условій зимняго киргизскаго хозяйства. Зимовки или мѣста на которыхъ кормятся скотъ зимою выбираются самымъ тщательнымъ образомъ и повсемѣстно занимаютъ самыя лучшія части степи. По невозможности для Киргизовъ накашивать сѣно для прокормленія скота въ теченіе всей зимы послѣдній *тебенюетъ*, т. е. достаетъ на зимовкахъ самъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Слѣдовательно, кормить лѣтомъ скотъ на зимовкахъ не только нельзя, но, сберегая траву на зиму, нужно его отгонять оттуда на лѣтовки, — пустыя, никѣмъ не занятыя и наименѣе производительныя части степи. Такимъ образомъ понятно что лѣтомъ стадамъ приходится дѣлать большіе концы для своего прокормленія уже потому что лѣтовки занимаютъ наименѣе плодородныя части даже Киргизской степи.

„Всѣ эти весьма извѣстные факты обусловливаютъ, однако, необходимость кочеваній которыя иногда бываютъ очень далекими.

„На cadaго Киргиза приблизительно приходится скота въ 8 разъ болѣе чѣмъ на cadaго Европейца. Иначе говоря: ему

во столько же разъ труднѣе заготовлять сѣно для своего скота. Если къ тому предположить что Киргизская степь едва ли не въ десять разъ менѣе производительна чѣмъ Европа, то можно предположить также что Киргизу, по сравненію съ Европейцемъ, нужно употребить въ 80 разъ болѣе труда для заготовленія скоту сѣна. Иначе говоря—заготовлять сѣно для своего скота онъ не можетъ.

„Къ югу отъ 50° простирается мѣстность едва ли когда-нибудь возможная для развитія культурной жизни. Пустынные пространства солонцоватой глины или небольшихъ, едва скрѣпленныхъ растительностію, холмовъ песка тянутся далеко на югъ, а на востокъ захватываютъ все пространство отъ рѣки Урала до предгорій Тянь-Шаня и его отроговъ. Рѣки и озера здѣсь находящіеся имѣютъ, большею частію, воду горьковато-соленого вкуса. Растительность повсемѣстно бѣдная, чахлая, произрастающая по преимуществу во впадинахъ и прогалинахъ. Въ тѣ времена года когда идутъ дожди и температура не высока кочевникъ можетъ еще прокормить здѣсь свои стада; лѣтомъ же, при температурѣ достигающей до 40° по Реомюру, вся трава на равнинѣ выгораетъ; вершины песчаныхъ холмовъ, до того скрѣпленные влагою, начинаютъ сноситься вѣтромъ; глинистая почва трескается и обращается въ пыль; вода, прежде солонцоватая, становится едва возможною къ употребленію даже въ глубокихъ колодцахъ. Среди знойнаго лѣта въ этой безотрадной и спаленной пустынѣ не только невозможно жить человѣку со стадами, но даже и одиночному всаднику не всегда безопасно проѣхать ее въ нѣкоторыхъ направленіяхъ.

„Такимъ образомъ самое кочеваніе и размѣры проходимаго лѣтомъ пространства суть явленія не случайныя, а зависящія отъ бѣльшаго или меньшаго плодородія почвы.

„Время начала кочеваній обусловливается тоже природою. Южные Киргизы начинаютъ трогаться со своихъ зимовыхъ стойбищъ къ сѣверу въ февралѣ и мартѣ чтобы пройти пустыню ранѣе наступленія всеизсушающихъ жаровъ, иначе ихъ стада погибнуть въ лишенной растительности и воды степи. Сѣверные же Киргизы отгоняютъ свои стада отъ зимовокъ когда нужно начать пахать землю.

„Пути кочеваній опредѣляются правомъ основаннымъ на давности пользованія этими путями киргизскими родами. Въ полосѣ лѣтнихъ, издревле принадлежащихъ извѣстному роду, можетъ кочевать каждый аулъ и Киргизъ принадлежащій этому

роду. Во избѣжаніе споровъ между аулами однородцевъ кочующихъ въ одномъ направленіи и въ предѣлахъ одной и той же полосы обычное право опредѣляетъ точнымъ образомъ правила дѣйствій „кушбаши“, вожака кочующаго аула. Выбравши мѣсто для кочеванія кушбаши обязанъ поставить на немъ условный знакъ, а если этого нельзя, то начертить на землѣ родовую тамгу (печать).

„Отклоняться въ значительной степени отъ родовыхъ путей нельзя, потому что иначе будетъ потравленъ кормъ на кочевьяхъ принадлежащихъ другому роду. Тогда аулы принадлежащіе къ этому послѣднему роду, не будучи въ состояніи прокормить свои стада на потравленныхъ мѣстахъ, въ свою очередь принуждены будутъ перегнать стада на чужія лѣтовки, т. е. вытравить ихъ и вытѣснить оттуда третій родъ и т. д. Потому даже небольшое отклоненіе отъ своихъ кочевыхъ путей приводитъ къ дракамъ, кровопролитію и гибели скота въ огромныхъ размѣрахъ. Именно оттого почти ежегодно происходятъ кровавыя столкновенія въ тѣхъ мѣстахъ Уральской области гдѣ обширныя грязи въ которыя разливается нижняя Эмба заставляютъ Чеклинцевъ, Адаевцевъ и Китинцевъ, обходя эти грязи, взаимно стѣснять свои кочевья.

„Какъ сказано выше, каждый Киргизъ въ теченіе лѣта проходитъ со стадами такое пространство какое необходимо для ихъ прокормленія. Понятно поэтому что аулы и отдѣльныя личности не обладающіе значительными стадами постепенно отстаютъ въ пути отъ тѣхъ богатыхъ своихъ товарищей, стада которыхъ требуютъ большаго количества кормовъ. Это правило измѣняется, впрочемъ, подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, южные Киргизы должны непремѣнно проходить взадъ и впередъ пустынное пространство о которомъ было говорено не въ пору жаровъ, а, во-вторыхъ, Киргизъ у котораго дурная зимовка долженъ кочевать возможно дальше. Послѣднее зависитъ отъ того что скотъ тѣмъ легче переноситъ трудную для него зиму чѣмъ онъ болѣе „нагулялся“ лѣтомъ, т. е. чѣмъ онъ жирнѣе; откормить же скотъ въ мало-производительной степи значить дать ему возможно большій просторъ. Поэтому Киргизы которые вслѣдствіе плохихъ зимовочныхъ мѣстъ опасаются что скотъ не выдержитъ зимы дѣлаютъ сравнительно большіе концы при лѣтнихъ кочеваніяхъ.

„Возвращаются южные Киргизы на зимовки съ такимъ расчетомъ чтобы прогнать стада черезъ бесплодную степь во

время дождей и пониженія температуры, т. е. когда на ней вновь появится трава.

„Все Киргизы вообще, приближаясь къ зимовкамъ, не пускаютъ свой скотъ на тѣ мѣста которыя предназначаются для его прокормленія зимою. До снѣга они держатъ стада на такъ-называемомъ „кезеу“ или „кюздикъ“, — осеннемъ стойбищѣ; когда же наступаетъ полная зима и снѣгъ станетъ довольно глубокомъ, все киргизское хозяйство передвигается на зимнее стойбище.

„Хорошая зимовка не только должна быть возможно обильна кормомъ, но и расположена относительно странъ свѣта такъ чтобы господствующіе зимою вѣтры (NO и SW) сдували съ земли снѣгъ. Для этого выбирается подходящая прогалина или покатость идущая съ сѣверо-востока на юго-западъ, или мѣсто по возможности закрытое отъ вьюгъ песчаными барханами и камышами. Качество и количество травъ растущихъ близъ зимовки должно соответствовать числу и родамъ скота: тамъ гдѣ баранъ и верблюдъ будутъ сыты, падеть отъ голода рогатая скотина или лошадь. Киргизы различаютъ три сорта кормовъ: бѣлая трава, луговая трава и верблюжий кормъ. Бѣлая трава растетъ на производительной, чаще всего способной къ обработкѣ, степи; луговая трава — во впадинахъ и потныхъ мѣстахъ, а верблюжья или черная трава — на почти бесплодныхъ глинистыхъ солонцахъ. Потому киргизскія стада на зимовкахъ не могутъ держаться въ одной кучѣ, а находятся близъ своихъ пастбищъ. Чаще всего въ отгонныхъ табунахъ держатся лошади, а близъ зимовокъ рогатый скотъ, бараны и верблюды.

„Зимою киргизскія стада принуждены бороться съ гололедицею, глубокими снѣгами, снѣжными буранами, безкормицею и холодомъ.

„Если позднею осенью идутъ дожди или случится оттепель, а послѣ грянутъ морозы, то поверхность снѣга оковывается корой такой толщины и крѣпости что скотъ не бываетъ въ состояніи разбивать ее копытомъ для добыванія себѣ корма. Тогда на помощь стадамъ является хозяинъ со своими родными и семействомъ. Вооруженные лопатами, мотыгами, топорами и всякими колющими, рѣзущими и ломающими орудіями, Киргизы отправляются на тебенючныя мѣста и работаютъ безъ устали день и ночь надъ разламываніемъ льда чтобы дать скоту возможность достать себѣ кормъ. Гололедица — величайшій бичъ киргизскихъ стадъ и иногда опустошаетъ ихъ невѣроятнымъ

образомъ. Какъ на примѣръ, можно указать на страшную для Киргизовъ зиму съ 1875 на 1876 года когда въ одномъ Иргизскомъ уѣздѣ отъ гололедицы пало:

Лошадей . . .	50.720	или 72%	всего числа въ уѣздѣ
Верблюдовъ. .	16.774	" 38%	" " " "
Барановъ. . .	165.285	" 49%	" " " "
Козъ.			
Итого. . . .	232.779	или 53%	всего числа скота въ уѣздѣ.

„Иначе говоря, отъ гололедицы въ одну зиму иргизскіе Киргизы потеряли болѣе половины всего своего имущества. При слишкомъ глубокихъ снѣгахъ какъ и при гололедицѣ люди должны помогать скоту и именно—отгребать снѣгъ. Во время бурановъ, метелей, сильной стужи (точно также какъ во время холодныхъ осеннихъ ливней и песчаныхъ или пыльных урагановъ) скотъ разбѣгается по направленію вѣтра. За нимъ слѣдуетъ хозяинъ, иногда погибающій вмѣстѣ со своими стадами либо въ глубокихъ, никогда не замерзающихъ сорахъ (солонцоватыхъ болотахъ), либо отъ изнеможенія и холода. Если же послѣ величайшихъ усилій Киргизу удастся остановить и собрать стада, ему предстоитъ тяжелый трудъ провести скотъ обратно на зимовку по пустыннымъ, не имѣющимъ кормовъ, мѣстамъ.

„Иногда приходитъ несчастіе и безъ бурановъ, гололедицы и великихъ холодовъ. Случается что скотъ просто ослабѣваетъ отъ безкормицы настолько что ложится на снѣгъ и не можетъ подняться на ноги. Тогда чтобы скотъ не замерзъ его приходится поднимать руками, и такъ какъ онъ самъ, по слабости, не въ состояніи копытить кормъ, то въ подобныхъ случаяхъ снѣгъ съ травы тоже отгребается людьми. Эта операція извѣстная у Киргизовъ подъ именемъ „кутеремъ-кутеру“ требуетъ величайшаго терпѣнія и неутомимости, потому что съ каждымъ животнымъ которое отъ слабости опять ложится приходится повторять ее по нѣскольку разъ.

„У южныхъ Киргизовъ нѣтъ постоянныхъ загоновъ для скота, какъ почти нѣтъ и камышевыхъ зарослей которыя такъ хорошо защищаютъ стада отъ бурановъ и стужи, потому они держатъ на зимовкахъ колья и кошмы и, развѣсивая ихъ со стороны вѣтра, устраиваютъ искусственные заслоны для скота отъ зимнихъ буръ и заносовъ.

„Цѣлостъ киргизскаго скота въ теченіе зимы обезпечивается

незначительными запасами сѣна котораго не хватаетъ даже въ сѣверныхъ уѣздахъ настолько чтобы прокормить скотъ въ теченіе всей зимы. Потому сѣно, гдѣ оно есть, дается скоту только въ минуту послѣдней необходимости и его дается столько сколько нужно для подкрѣпленія силъ на борьбу съ зимою и голодомъ.

„Суровыя условія зимняго степнаго хозяйства отражаются въ такой же степени на жизни самого Киргиза какъ и на его стадахъ. Вѣчно прозябшій и всегда голодный, объѣзжаетъ онъ свои стада и отгонные табуны, осматрѣть которые ему непременно нужно хотя разъ въ день. И чѣмъ сильнѣе буря и леденящій холодъ тѣмъ настойчивѣе нужно Киргизу быть при стадахъ чтобы помогать имъ въ случаяхъ какого-нибудь несчастія. Высшей степени мучительныхъ безпокойствъ и невѣроятныхъ трудовъ достигаютъ заботы Киргиза къ началу весны когда почти весь скотъ ослабѣваетъ до послѣдней степени и когда его хозяинъ, по колѣно въ грязи и холодной водѣ, поднимаетъ скотъ на ноги и помогаетъ ему кормиться.

„Но вотъ, къ величайшему счастью людей и животныхъ, начало пригрѣвать солнце. Кое-гдѣ показалась трава, и скотъ, благодаря массѣ соли заключающейся въ кормахъ, поправляется и полнѣетъ съ невѣроятною быстротой. Верблюжіе горбы и баряни курдюки данные степною природою этимъ животнымъ будто въ запасъ для большаго укрѣпленія жизненной силы во время борьбы съ зимнею безкормицею начинаютъ наливаются жиромъ. Аулы приготовляются къ кочеванію. Тамъ гдѣ зимовки расположены между песчаными барханами колодцы засыпаются до верха пескомъ (кромѣ лежащихъ на кочевыхъ и торговыхъ путяхъ); гдѣ глубокіе колодцы вырыты въ плотной глинѣ они закрываются кошмами поверхъ которыхъ насыпается земля. Если этого не сдѣлать, вода отъ сильнаго испаренія начнетъ въ колодцахъ портиться и пріобрѣтетъ горько-солонцоватый вкусъ. И когда аулы тронулись кочевать, только плотный слой бараньяго помета на такъ-называемыхъ „конахъ“, мѣстахъ зимней скученной стоянки барановъ, обнаруживаетъ въ пустынѣ мѣста зимовокъ. Проѣзжая близъ подобныхъ мѣстъ лѣтомъ, когда кругомъ все выжжено и, кажется, лишено всякой органической жизни, едва можно вѣрить что эта потрескавшаяся соленая глина или эти сыпучіе пески могутъ прокормить сотни тысячъ головъ скота.“

Къ этой живой и правдивой картинѣ необходимо добавить что горные Киргизы зиму проводятъ у подножія горъ, а съ

наступленіемъ весны направляютъ свои стада все выше и выше, до альпійскихъ пастбищъ откуда къ зимѣ постепенно возвращаются на зимнія стойбища. Размахъ кочеванія меньше чѣмъ у степныхъ Киргизовъ которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ проходятъ съ юга на сѣверъ до 1.200 верстъ, но законъ кочеванія все тотъ же.

Несравненно сложнѣе поземельное устройство населенія въ земледѣльческихъ оазисахъ Средней Азіи. Вліяніе континентальнаго климата сказывающееся въ теченіе большей части года почти въ полномъ отсутствіи атмосферныхъ осадковъ такъ могущественно что даже богатая лесовая почва ничего не производитъ безъ обильнаго искусственнаго орошенія. Малочисленность рѣкъ, съ одной стороны, и тотъ колоссальный многолѣтній трудъ съ которымъ сопряжено устройство ирригаціонныхъ системъ—съ другой—являются причиною крайней ограниченности количества культурныхъ земель въ краѣ, напримѣръ: въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ 60.000.000 десятинъ, но изъ нихъ только 2.000.000 десятинъ орошены, а всѣхъ культурныхъ земель насчитывается не болѣе 3.000.000 десятинъ. Съ присоединеніемъ Семирѣченской области къ Туркестанскому генераль-губернаторству эти цифры измѣнятся, но отношеніе между ними останется приблизительно то же самое. Такимъ образомъ, житель Средней Азіи съ того момента какъ экономическая необходимость вынудила его обратиться къ земледѣлію былъ поставленъ въ такія условія землепользованія въ какихъ большинство европейскихъ государствъ обрѣлось въ недавнее лишь время, вмѣстѣ съ громаднымъ увеличеніемъ населенія. Вслѣдствіе этого интенсивная земледѣльская культура явившаяся въ Западной Европѣ въ силу необходимости поддерживать существованіе сильно уплотнившагося населенія упрочилась въ Средней Азіи гораздо ранѣе: давно уже ее вызвала крайняя ограниченность такихъ мѣстностей въ которыхъ устройство орошенія не требуетъ искусства современной техники и значительнаго капитала.

Интенсивность земледѣльской культуры выработала, въ свою очередь, въ пунктахъ осѣдлости право личнаго владѣнія и распоряженія землею. При сооруженіи ирригаціонной сѣти всякій хозяинъ получалъ участокъ соотвѣтствующій трудовой силѣ выставленной имъ для ирригаціонныхъ работъ. Участкомъ своимъ онъ пользовался самостоятельно, но подъ условіемъ постоянной обработки. Условіе это слѣдуетъ считать вызваннымъ необходимостію обезпечить непрерывную произво-

дительность той земли, каждая пятая которой приобретена дорогою цѣною.

Для дальнѣйшаго выясненія основъ землевладѣнія установившагося въ Средней Азіи надлежитъ рассмотреть какимъ образомъ видоизмѣнялся и осложнялся указанный принципъ личной собственности на землю въ зависимости отъ правоотношеній созданныхъ политическимъ строемъ и религіознымъ міровоззрѣніемъ. Последнее особенно важно для края гдѣ само право владѣнія опредѣлено Кораномъ, да и всѣ прочія гражданскія отношенія регламентированы религіознымъ кодексомъ.

Исламъ, охватывающій не только духовный міръ своихъ послѣдователей, но и заключающій въ опредѣленные рамки всѣ стороны человѣческой жизни, даетъ въ Коранѣ полный гражданскій кодексъ. Устанавливая правила государственной и социальной политики мусульманское право отводитъ не мало мѣста выясненію поземельныхъ отношеній и опредѣленію формъ землевладѣнія. Но было бы ошибочно предполагать что поземельныя отношенія въ томъ видѣ какъ сложились они въ Средней Азіи ко времени присоединенія Туркестана къ Россіи являются точнымъ осуществленіемъ предписаній „шаріата“. Необходимо помнить что исламъ прежде всего проповѣдуетъ неограниченный деспотизмъ правителей, обращая всѣхъ гражданъ въ слѣпыхъ исполнителей ханской воли.

Вслѣдствіе сего въ тѣхъ лишь мусульманскихъ странахъ предписываемыя шаріатомъ формы землевладѣнія могутъ установиться болѣе или менѣе прочно гдѣ существующій государственный порядокъ отличается постоянствомъ и обезпеченъ отъ политическихъ переворотовъ перебрасывающихъ власть изъ рукъ въ руки. Между тѣмъ извѣстно что со временъ Александра Македонскаго и до умиротворенія края Россіею, въ теченіе слишкомъ двухъ тысячелѣтій, Средняя Азія представляла арену безпрестанныхъ войнъ и междоусобій не позволявшихъ ни одной династіи основаться здѣсь на продолжительное время.

Понятно поэтому что поземельныя отношенія какъ результатъ произвольныхъ и безпорядочныхъ распоряженій постоянно смѣнявшихся династій и правителей представляли значительную путаницу и утвердили въ населеніи лишь одно твердое убѣжденіе—о непрочности предоставленныхъ ему правъ.

Въ виду изложеннаго, для ознакомленія съ формами землевладѣнія существовавшими среди осѣдлаго населенія Средней Азіи необходимо изслѣдовать основанія поземельнаго устройства рекомендуема мусульманскимъ законодательствомъ и

затѣмъ разсмотрѣть тѣ отступленія и измѣненія которыя должно было претерпѣть это законодательство въ теченіе десяти слишкомъ вѣковъ истекшихъ со времени внесенія сюда ислама арабскими завоевателями, подѣ влияніемъ разнообразныхъ особенностей и политическаго прошлаго странъ составляющихъ нынѣ Туркестанское генераль-губернаторство и сопредѣльные ему мусульманскія полунезависимыя владѣнія.

Теорія мусульманскаго поземельнаго права прежде всего вытекаетъ изъ слѣдующаго положенія Магометова ученія: „Все видимое и невидимое есть собственность Бога. Онъ, въ безграничномъ Своемъ милосердіи и любви къ человѣческому роду, даетъ людямъ возможность пользоваться отъ трудовъ праведныхъ всѣмъ необходимымъ для нравственнаго и матеріальнаго блага.“ На этомъ основаніи всякій правовѣрный пользуется свободою въ приобрѣтеніи движимаго и недвижимаго имущества. Предметовъ дозволенныхъ къ приобрѣтенію различается три: 1) имущества свободныя, никѣмъ не занятыя, 2) имущества кому-либо принадлежавшія, но по волѣ владѣльца или инымъ законнымъ путемъ отчуждаемыя, и 3) имѣнія, даже и личности „кяфіровъ“ (невѣрныхъ). Приведенный основной принципъ въ примѣненіи къ поземельнымъ отношеніямъ дополняется поученіемъ Магомета (гадисъ) которое можетъ служить источникомъ мусульманскаго законодательства о землевладѣніи: Worms въ сочиненіи: „Recherches sur la constitution de la propriété territoriale dans les pays musulmans“, переводитъ арабскій текстъ означеннаго поученія такимъ образомъ: „Quiconque vivifie une terre morte, elle est à lui“.

Такимъ образомъ по отношенію къ землѣ пустопорожней право владѣнія принадлежитъ первому занявшему, первому оживителю мертвой природы ¹⁾. На основаніи этого закона культурныя земли переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, при чемъ государство (правитель) пользуется, во-первыхъ, правомъ взиманія установленныхъ шаріатомъ налоговъ съ земельныхъ имуществъ, а равно правомъ предоставленія податныхъ льготъ и, во-вторыхъ, обязано наблюдать за непрерывною обработкою занятой почвы, такъ какъ, по шаріату, трехлѣтнее запущеніе хозяйства равносильно отказу отъ дальнѣйшаго владѣнія землею. Указанное условіе постоянной обработки участка послужившее основаніемъ мнѣнію о принадлежности культурныхъ земель государству отнюдь не исключаетъ существованія въ мусульманскомъ мірѣ права частной собственности на землю.

¹⁾ См. также: „Курсъ мусульманскаго права“ проф. Нофаля.

Право собственности на землю существуетъ, но мусульманское понятіе о немъ не вполне соотвѣтствуетъ взгляду европейцевъ на землевладѣніе, такъ какъ оно сложилось въ зависимости отъ природныхъ особенностей, во многомъ сходныхъ какъ въ Аравіи откуда вышелъ исламъ, такъ равно и въ Средней Азіи: *и тамъ и тутъ необходимость огромныхъ предварительныхъ усилій для созданія изъ пустыни культурныхъ земель ведетъ къ недопущенію необработки ихъ.* Непрерывное воздѣлываніе есть неотъемлемый признакъ, фактическое доказательство владѣнія. Въ такомъ смыслѣ означенное условіе входитъ въ опредѣленіе понятія о правѣ владѣнія землею, не уничтожая этого права, а представляя только условіе пользованія таковымъ. Въ правильности изложеннаго мнѣнія убѣждаютъ существующія въ различныхъ странахъ Востока законоположенія о землевладѣніи, а равно ссылки на сочиненія извѣстныхъ авторитетовъ мусульманскаго права.

Какъ въ Турціи, Персіи, такъ и въ Египтѣ частная земельная собственность существуетъ и подворно - участковое землевладѣніе является преобладающимъ. Извѣстный русскій ориенталистъ Торнау въ сочиненіи: „Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія“ указываетъ что земли въ магометанскихъ краяхъ бываютъ двухъ родовъ: во-первыхъ, „ободонъ“ или „омере“, т. е. обрабатываемыя, и „херабъ“ или „маватъ“, т. е. мертвыя, пустопорожнія.

Распоряженіе землями засѣянными принадлежитъ единственно одному хозяину оныхъ; земли же „маватъ“ составляютъ принадлежность владѣтеля страны, почему всякій кто пожелаетъ обработать такую землю долженъ получить разрѣшеніе правительства, и затѣмъ уже оживленная земля поступаетъ въ собственность обработавшаго ее.

Въ подкрѣпленіе того же мнѣнія можно указать на сочиненіе: „Législation musulmane, par Perron“, въ которомъ авторъ поясняетъ что между мусульманами не существуетъ права земельной собственности въ томъ смыслѣ какъ мы его понимаемъ. Собственность, по мусульманскому праву, неразрывно связана съ продуктивнымъ пользованіемъ и изъ него непосредственно вытекаетъ. Иными словами, право частнаго владѣнія существуетъ, но соединено оно съ характерною для данной мѣстности особенностію.

Наконецъ, не лишнимъ будетъ привести данныя изъ вышеуказаннаго труда Worms'a которыми пользуются для мотивированія своего мнѣнія сторонники причисленія культурныхъ

земель Туркестанскаго края къ разряду государственныхъ. Worms устанавливая классификацію земельныхъ угодій въ магометанскихъ странахъ дѣлитъ всѣ земли на два класса: 1) на принадлежащія правовѣрнымъ послѣдователямъ пророка облагаемыя, согласно шаріата, поземельною податью въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части доходности и 2) на земли покоренныя мусульманскими завоевателями и оставленныя во владѣніи населенія изъ-за платежа, помимо указаннаго процентнаго обложенія, еще и постоянной оброчной подати носившей первоначально характеръ дани.

Такимъ образомъ, какъ уже выше упомянуто, обрабатываемыя земли, по мусульманскому праву, представляютъ два типа: во-1-хъ, земли хараджныя принадлежащія массѣ населенія, отбывающія установленныя повинности въ видѣ постоянной подати и мѣняющагося налога, пропорціональнаго доходности участка. Земли эти представляютъ въ настоящее время основной видъ землевладѣнія въ мусульманскихъ государствахъ. Во 2-хъ, земли пользующіяся, по волѣ или согласію государя, опредѣленными податными льготами. Эти земли не носятъ спеціального названія и распадаются, сообразно характера льготы, на три категоріи:

1) Земли „ушри“, владѣльцы коихъ уплачиваютъ лишь подать пропорціональную урожаю въ размѣрѣ 10% съ произрастаній участка. Земельное владѣніе „ушри“ первоначально составляли земли принадлежавшія жителямъ Аравіи добровольно принявшимъ исламъ и затѣмъ къ нимъ причислялись всѣ угодія завоеванныя магометанами у невѣрныхъ и раздѣленные ими между собой на правѣ военной добычи. Въ Туркестанскомъ краѣ населеніе коего въ теченіе тысячелѣтія исповѣдуетъ исламъ такихъ земель въ послѣднее время не существовало.

2) Владѣнія „милъкъ“—свободныя совсѣмъ отъ казенныхъ податей. На основаніи шаріата, „милъки“ могли быть предоставлены, по усмотрѣнію правителей, лицамъ оказавшимъ особенныя услуги государству. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сверхъ этого, милъковое право давалось подъ условіемъ обязательной службы—военной или гражданской—на подобіе средневѣковыхъ ленныхъ владѣній въ Западной Европѣ. При этомъ необходимо замѣтить что обильное или милъковое право обыкновенно ограничивалось извѣстнымъ срокомъ, могло быть прекращаемо по волѣ правителя и подчинялось общему праву о непрерывной обработкѣ земли.

3) „Вакуфы“, или имущества завѣщаемыя въ пользу духовныхъ установленій или благотворительныхъ цѣлей.

Worms въ упомянутомъ выше сочиненіи даетъ, на основаніи книги „Мультека“ (толкованіе ученія Магомета — книга распространенная въ Турціи), слѣдующее опредѣленіе термина „вакуфъ“: „Wakf est la chose, dont la propriété est exclusivement réservée à Dieu, avec l'intention que la jouissance en profite à ses créatures“.

На основаніи сего вакуфъ есть такое имущество, право владѣнія коимъ посвящается Богу, а лицамъ и установленіямъ указаннымъ въ „вакуфъ-нама“ (завѣщательный актъ) предоставляется лишь пользованіе приносимыми симъ имуществомъ доходами.

Такимъ образомъ, по основному принципу вакуфнаго права, завѣщанное въ вакуфъ владѣніе не можетъ быть ни продано, ни подарено, ни передано по наслѣдству. Вакуфныя земли бывають двухъ родовъ: во 1-хъ, такія которыя всецѣло завѣщаны на содержаніе духовныхъ лицъ или благотворительныхъ учрежденій и, во 2-хъ, земли, часть доходовъ коихъ предназначается на богоугодныя дѣла, а часть поступаетъ въ пользованіе наслѣдниковъ завѣщателя. Вакуфы первой категоріи учреждались обыкновенно мусульманскими правителями обязанными подавать примѣръ въ дѣлахъ благотворенія. Частныя же лица пользуясь неприкосновенностію, даже со стороны деспотическихъ хановъ и эмировъ, вакуфныхъ имуществъ какъ завѣщанныхъ Богу, преслѣдовали, учреждая смѣшанные вакуфы, отчасти и свои личныя цѣли, такъ какъ этими вакуфами распоряжались наслѣдники учредителя, а религіозныя или благотворительныя установленія получали лишь извѣстную часть дохода. Первые вакуфы носятъ названіе духовныхъ — „вакуфъ-оомъ“, вторые — частныхъ или наслѣдственныхъ — „вакуфъ-аулодъ“.

Таковы, въ общихъ чертахъ, теоретическія положенія мусульманскаго земельного законодательства.

Но, какъ сказано было выше, отсутствіе политическаго и правоваго порядка при узбекскихъ правителяхъ значительно исказило основныя черты древняго мусульманскаго права въ примѣненіи къ нынѣшнимъ областямъ Туркестанскаго края. Враждующіе ханы и эмиры, подъ власть которыхъ переходили поочередно культурные оазисы Средней Азіи, осуществляли право государя на землю каждый по-своему. Назначаемые ими низшіе правители — беки и хакимы — присоединяли къ послѣдствіямъ вытекающимъ изъ ханскаго произвола свое личное

самоуправство. При такихъ условіяхъ неудивительно что на мусульманскомъ законодательствѣ послужившемъ основою поземельныхъ отношеній туземнаго осѣдлаго населенія отразились весьма сильно вліянія дѣйствовавшей здѣсь политической безурядицы.

По официальной терминологіи принятой правительствами Коканда и Бухары, обрабатываемыя земли дѣлились на три категоріи: 1) земли „амлякъ“ (по шаріату—„хараджъ“) владѣльцы коихъ уплачивали поземельные налоги всякаго рода; 2) земли „милькъ“ освобожденные отъ казеннаго обложенія, причемъ если земли эти были заселены, то онѣ какъ и земли амляковыя состояли въ безсрочномъ наслѣдственномъ пользованіи и владѣніи земледѣльческаго населенія, а милькодарамъ (владѣльцамъ милька) принадлежало лишь право взиманія податей съ обрабатываемыхъ угодій, и 3) вакуфныя имущества служившія источникомъ матеріальнаго обезпеченія духовныхъ установленій—мечетей, школъ, богадѣленъ, а также многочисленнаго потомства мусульманскихъ святителей и мудрецовъ (сеидовъ, хаджей и пр.).

По отношенію къ землямъ „амлякъ“ произволь средне-азіатскихъ правителей сказывался, главнымъ образомъ, въ злоупотребленіи правомъ взиманія податей. Такъ какъ не только ханы и эмиры, но и управлявшіе отдѣльными провинціями беки и хакимы пользовались неограниченною властію надъ ввѣреннымъ ихъ управленію населеніемъ, то вся правительственная организація была основана на грабительствѣ. Искать справедливости было негдѣ, ибо высшая власть въ государствѣ сама вкушала отъ плодовъ хищенія своихъ подданныхъ; притомъ порядокъ этотъ былъ совершенно естественъ, ибо агенты правительства никакого содержанія отъ казны не получали, управляя ввѣренными имъ областями скорѣе на правѣ откупщиковъ ¹⁾).

Амляковыя земли, *по шаріату*, должны были платить или опредѣленную оброчную подать (такъ-называемый „таналъ“, или, „компуль“) по количеству земли, или подать хараджную установленную въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части урожая.

Совокупность означенныхъ сборовъ предоставленныхъ усмотрѣнію мѣстныхъ властей и серкеровъ (сборщиковъ податей) составляла въ дѣйствительности не менѣе $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ дохода земли:

¹⁾ Кокандскій ханъ — Худояръ-ханъ взыскивалъ подати въ увеличенномъ размѣрѣ и съ такою жестокостію что выведенное изъ терпѣнія населеніе не разъ бунтовало противъ хана и въ концѣ концовъ вынудило его бѣжать въ Россію.

Мильковое право на земли, происходящее въ силу ханскаго пожалованія участковъ незаселенныхъ или доходовъ съ земель амляковыхъ, представляло родъ землевладѣнія послужившій вслѣдствіе непрерывно господствовавшей политической неурядицы причиною путаницы и безпорядка въ поземельныхъ отношеніяхъ. Мильковое владѣніе въ обоихъ видахъ, какъ льготное пользованіе землею и какъ право взиманія податей съ населенія милька, было въ высшей степени непрочнымъ и и необезпеченнымъ, ибо прекращеніе мильковаго права зависѣло всецѣло отъ воли хана: неограниченный повелитель подвластной страны, онъ раздавалъ мильки и отнималъ ихъ по своему усмотрѣнію. При вступленіи на престолъ каждаго новаго правителя необходимо было хлопотать о выдачѣ новаго ярлыка подтверждающаго права дарованныя предшественниками хана.

Если принять при этомъ во вниманіе крайне непрочное положеніе самихъ хановъ, безпрестанную перемѣну враждебныхъ другъ другу партій, при чемъ съ воцареніемъ новаго хана раздавались мильки всѣмъ приверженцамъ и прекращались льготы сторонниковъ прежняго режима, то станетъ понятнымъ что въ глазахъ населенія мильковое право представлявшее постоянный источникъ злоупотребленій какъ со стороны правителей, такъ равно и со стороны милькодаровъ потеряло значеніе устойчивой формы землевладѣнія и поддерживалось въ краѣ лишь по традиціи.

Сами кокандскіе ханы, въ послѣднее время весьма нуждавшіеся въ матеріальныхъ средствахъ, весьма часто злоупотребляли принадлежащимъ имъ правомъ неутвержденія актовъ на мильковое землевладѣніе.

При подобныхъ условіяхъ въ послѣдніе годы существованія кокандскаго ханства большая часть земель пользовавшихся въ разное время льготами на мильковомъ правѣ облагалась, въ концѣ концовъ, общими налогами наравнѣ со всѣми прочими землями, а въ рукахъ прежнихъ милькодаровъ осталось лишь огромное количество потерявшихъ силу ханскихъ грамотъ въ послѣдствіи предъявленныхъ русскимъ властямъ съ просьбами о восстановленіи мильковаго права.

Третій видъ поземельной собственности—имущества завѣщанныя по вакуфному праву—весьма распространенъ въ Средней Азіи, особенно вблизи городовъ и вообще значительныхъ осѣдлыхъ пунктовъ Туркестана. Нѣтъ почти ни одной мечети, медресе (высшее училище) и мактаба (низшая школа) кото-

рыя не пользовались бы въ видѣ завѣщаннаго вакуфа хотя бы незначительнымъ участкомъ земли.

Порядокъ пользованія „вакуфами оомъ“ (завѣщанными исключительно съ благотворительною цѣлію) различенъ, смотря по тому представляетъ ли вакуфъ селеніе, доходы съ котораго пожертвованы ханомъ въ пользу богоугоднаго установленія, или же заключается онъ въ незаселенномъ участкѣ земли.

Вакуфныя селенія Туркестанскаго края во времена мусульманскаго владычества состояли въ распоряженіи мутеваліевъ (распорядителей вакуфа) которые взимали съ земледѣльцевъ установленные налоги.

Незаселенныхъ вакуфовъ въ послѣднее время было весьма немного; такими оставались лишь небольшіе участки завѣщанные въ пользу маленькихъ мечетей или на содержаніе при нихъ духовныхъ лицъ. Участки эти обыкновенно сдавались въ аренду и въ рѣдкихъ лишь случаяхъ эксплуатировались самими вакуфовладельцами. Что же касается крупныхъ вакуфовъ которые были пожертвованы незаселенными и такими считаются по вакуфнымъ документамъ, то въ настоящее время всѣ они представляются значительными селеніями. Причиной такого явленія былъ установленный порядокъ пользованія вакуфными доходами, согласно коего земли отдавались въ долгосрочную аренду однимъ и тѣмъ же лицамъ.

Порядокъ этотъ вызвалъ постройки на вакуфныхъ земляхъ и постепенное заселеніе ихъ арендаторами. Такимъ образомъ вакуфныя имущества послѣдней категоріи фактически ничѣмъ не отличаются отъ населенныхъ вакуфовъ, и жители ихъ, осѣвшие съ давнихъ временъ, лишь по „вакуфъ-нама“ (грамота объ учрежденіи вакуфа) значатся арендаторами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ пользуются землями на правахъ владѣльцевъ, въ одномъ лишь податномъ отношеніи зависящихъ отъ распорядителей вакуфа.

Весьма широкое развитіе въ средне-азіатскихъ ханствахъ получили такъ-называемые „вакуфы-аулодъ“, то-есть частные вакуфы.

Зажиточная часть населенія, убѣждаясь часто горькимъ опытомъ въ непрочности не только амляковаго, но и мильковаго владѣнія, стала учреждать, подъ предлогомъ религиозныхъ и благотворительныхъ цѣлей, частные вакуфы, то-есть такіе, доходъ съ которыхъ распредѣлялся въ опредѣленной учредителемъ пропорціи между его потомками и благотворительными учрежденіями.

Эмиры и ханы, не останавливавшіеся предъ ограниченіемъ льготъ мильковладѣльцевъ, не осмѣливались проявить свою власть тамъ гдѣ главную роль играло религіозное чувство народа, такъ какъ въ этомъ же чувствѣ былъ источникъ неограниченной власти самихъ мусульманскихъ правителей. Въ охраненіи вакуфнаго права весьма живо было заинтересовано духовенство, расположенія и поддержки котораго вынуждены были искать повелители средне-азіатскихъ ханствъ.

Пользующееся огромнымъ вліяніемъ на населеніе, магометанское духовенство не только поддерживало неприкосновенность вакуфныхъ привилегій, но и въ значительной мѣрѣ способствовало распространенію частныхъ вакуфовъ, въ умноженіи коихъ заключался матеріальный интересъ духовнаго сословія. Благодаря усиліямъ духовенства современное право утвержденія заповѣдныхъ актовъ, присвоенное по шаріату исключительно государю, стало зависѣть отъ бековъ, хакимовъ, а часто даже отъ простыхъ казіевъ. Число вакуфовъ значительно возросло, и хотя шаріатъ разрѣшаетъ предоставить управленіе частнымъ вакуфомъ достойнѣйшему изъ наслѣдниковъ учредителя, — духовенство, исходя изъ права пользоваться частію дохода для богоугоднаго дѣла, постепенно захватило въ свои руки завѣдываніе почти всѣмъ вакуфнымъ имуществомъ. Этимъ путемъ мало-помалу управленіе всѣми вакуфами сосредоточилось въ рукахъ мутеваліевъ изъ духовенства. Отсюда происходили злоупотребленія двоякаго рода: съ одной стороны, государственные налоги съ той части имущества которая оставалась въ пользованіи частныхъ лицъ и подлежала податному обложенію переставали поступать въ казну, или же вносились въ самомъ ничтожномъ количествѣ; съ другой стороны, доходы завѣщанные въ пользу извѣстныхъ учрежденій расхищались мутеваліями, и постановленія завѣщательнаго акта соблюдались въ дѣйствительности весьма мало.

Въ особенности тяжело было положеніе населенія сидящаго на вакуфныхъ земляхъ. Распорядители вакуфа, пользовавшіеся по закону лишь правомъ сбора податей съ вакуфныхъ селеній, сумѣли съ теченіемъ времени устранить правительство ото всякаго вмѣшательства въ управленіе вакуфами и поставили населеніе въ полную экономическую зависимость. Право безсрочнаго пользованія и распоряженія обрабатываемою землею было отнято у жителей вакуфныхъ селеній. Духовенство укрѣпило за собою право прекращать по своему усмотрѣнію пользованіе землею одного лица и передавать уча-

стокъ въ другія руки подъ предлогомъ безкорыстной заботы о болѣе доходной эксплуатаціи вакуфа. Право постоянного наслѣдственнаго пользованія которое прекращалось лишь съ оставленіемъ земли безъ обработки въ продолженіе трехъ лѣтъ, было превращено произвольно въ непрочную аренду отнимаемую по волѣ мутевалія руководствовавшагося исключительно интересомъ личнымъ.

По мысли законодателя, вакуфныя учрежденія были весьма полезны: они освобождали государственный бюджетъ отъ значительной статьи расхода на содержаніе духовенства, духовныхъ, благотворительныхъ и учебныхъ установленій, всецѣло возлагая этотъ расходъ на вакуфныя имущества; если же на практикѣ означенное право вызвало вредныя послѣдствія, то причиною тому была неудовлетворительная организація управленія вакуфами.

Н. Л. Мордвиновъ.

